

КОЛОКОЛА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ

В XX в. традиции колокольности России и Беларуси, своими корнями уходящие в средневековую историю этнических и государственных объединений славян, продолжала видоизменяться под воздействием социальных факторов. Одна из наиболее трагических страниц истории колоколов связана с социокультурными катаклизмами XX века: войны и революция сопровождалась планомерным уничтожением церковных ценностей, к которым принадлежит колокольный инструментарий. К чести хранителей наследия христианства следует отметить, что они всегда по возможности стремились сохранить этногенетическую основу и традиции местной колокольности. Колокола, однако, как и вся культура в целом, оказывались иногда слишком хрупкими, чтобы противостоять веяниям нового времени.

История белорусских колоколов отличается от российской. Если в России антиколокольная кампания была развернута в 1920-е годы, то для Беларуси потери начались раньше, еще до революции. В годы первой мировой войны бронзовый сплав как металл, имеющий военно-стратегическое значение, представлял большой интерес для немецких завоевателей, оккупировавших значительную часть нашей территории. Множество бронзовых колоколов было вывезено из захваченных городов с целью производства из них пушечных ядер. Ввиду перемещения линии фронта на запад и частичной оккупации Западного края, главнокомандующий Двинским военным округом издал специальный приказ о спасении колоколов Литвы и Беларуси. На этом основании их перемещали на безопасные территории. Параллельно, согласно официальному распоряжению Патриархии, проводилась временная эвакуация церковных ценностей, в том числе и колоколов, вглубь России. О факте их вывоза упоминается в документах Гродненских парафий более позднего времени (напомним, что в 1920-1930-ых годах эта территория входила в состав Польши). Так, например, в описях костельного имущества, составленных во время визитаций, есть сведения о трех новых колоколах деревни Россь, реквизированных российской армией, о небольшом костельном колоколе (*sygnaturka*), вывезенном в 1915 году из деревни Гнезно в Россию, а также о колоколе, отлитом в 1821 году и утраченном в годы первой мировой войны [1].

Документальные сведения о дальнейшей судьбе эвакуированных из православных и католических храмов Беларуси колоколов единичны и в основном находятся в российских архивах [2]. Известно, что некоторые колокольные артефакты были по неосторожности разбиты при транспортировке, так как колокольная бронза - хрупкий сплав. Уцелевшие колокола сдавали на временное хранение в монастыри российских городов. Однако после окончания первой мировой войны большую их часть не вернули в Беларусь. Некоторые из них, наиболее художественно ценные, были переданы в Музейный фонд РСФСР, другие - размещены в российских храмах. Документация многих колоколов утеряна и выяснить местонахождение или хотя бы судьбу белорусского инструментария в XX веке практически невозможно.

Выскажем предположение, касающееся истории одного из благозвучных колоколов подбора Московского Покровского собора («Василия Блаженного») на Красной площади, фигурирующего в описи под №16 как «польский», отлитый в 1791 году. Известно, что его вместе с некоторыми другими передали православной церкви в 1990 году из отдела металла Исторического музея. Каким образом он попал в Москву неизвестно. Однако, зная культурно-историческую ситуацию, сложившуюся на территории Беларуси в период первой мировой войны, с большой долей вероятности можно утверждать, что художественно выполненный (орнаментально украшенный), а также имеющий словесный текст католический колокол был включен в число церковных ценностей, эвакуированных с западной территории, бывшей в то время ареной военных действий. В подвал московского музея он мог попасть позднее, в разгар антирелигиозной кампании 1920-ых годов. Возможно, многие церковные колокола избежали уничтожения именно потому, что были спрятаны в запасниках, где хранились в безвестности многие десятилетия. Среди них мог быть и «польский колокол». На эту мысль наводит упоминание исследователя колоколов Московского Кремля А. Бондаренко об отсутствии документации именно на этот колокол [3].

Окончание первой мировой войны совпало по времени с началом антирелигиозной кампании в СССР: в 1920-1930-е годы колокола подлежали уничтожению уже не внешним врагом, а на основании партийных документов. Так как со времен Средневековья колокола и кресты служили официальным символом христианства, а их социальный статус был чрезвычайно высок, советская власть квалифицировала эти атрибуты как «идеологически вредные» предметы культового назначения. В 1924—1926 годах были приняты к исполнению распоряжения «О порядке ликвидации предметов религиозного культа», «О порядке ликвидации церковного имущества». Процесс изъятия колокольных артефактов получил новый стимул в 1929 году: тогда вышло новое постановление НКВД о строгом ограничении деятельности религиозных организаций, обязующее уничтожать колокола планомерно, быстро и без огласки. Звон больших колоколов, как мешающий «безрелигиозным массам трудящимся» работать и отдыхать, предписывалось «запретить совершенно», звучание остальных - свести к минимуму [4].

Фактически не только музыка колоколов должна была умолкнуть, на физическое уничтожение были обречены сами инструменты, среди которых были исторически и художественно уникальные артефакты православных и католических храмов.

Новая волна колокольных репрессий в начале 1930-ых годов имела иную мотивировку - производственную необходимость. Руководствуясь лозунгом «колокола на индустриализацию», их передавали для

утилизации в государственный трест Рудметаллторг с целью переплавки в мелкие медные монеты. Все колокольные инструменты, означенные в духе новой социалистической лексики как «отвес бронзы», шли по цене металлолома. Например, художественно и исторически уникальный колокольный подбор Московского Данилова монастыря из восемнадцати единиц был куплен американским миллионером Ч. Крейном как медный лом, вывезен в США и подарен Гарвардскому университету.

Истребление колоколов в Беларуси, начатое в годы первой мировой войны, было завершено в 1930-е годы. Согласно распоряжению Совета труда и обороны от 29 апреля 1934 году, республику обязали заготовить 100 тонн колокольной бронзы для чеканки медных монет, а с сентября по декабрь - еще 150 тонн дополнительно. Выполнение директив потребовало уничтожить почти все колокола больших и средних размеров. Потеря больших колоколов-благовестников обеднила звучание колокольных ансамблей, каждый из которых формировался в течение многих лет и десятилетий. В свою очередь, были утрачены накопленные веками и сохраняемые в устной традиции знания, навыки, секреты мастерства старых звонарей. С нарушением преемственности исполнительских традиций «прервалась связь времен».

В создавшейся ситуации спасти некоторые колокола было возможно лишь присвоив им статус музейных экспонатов. Если в России еще сохранились немногочисленные колокольные звоны, например, в Ростове Великом, то в Советской Беларуси умолкли все звонницы. Были уничтожены практически все инструменты, остались лишь те, которые спрятали местные жители. По всей территории Беларуси развернулось народное движение по спасению колоколов: их, как правило, закапывали или топили. По свидетельству старого церковного звонаря из деревни Парохонск Брестской области Н.Г. Савило, односельчанам пришлось отстаивать пять старинных колоколов с мелодичным звоном дважды - сначала во время богорборческой кампании и позднее, в 1980-е годы, когда их хотели увезти в музей АН РБ (сведения из интервью 2004 года с Н.Г. Савило).

Необходимо отметить, что в западном регионе, согласно Рижскому мирному договору отошедшему к Польше, наоборот, в 1920-е годы отливали новые колокола взамен утраченных в военное время. Регулярная инвентаризация костельного имущества выявляла реальные потребности в новых инструментах. Если в СССР в этот период колоколотейные заводы повсеместно закрывались (после 1927 года остались только мастерские, отливающие мелкие колокольчики), то в Польше они продолжали работать и в 1930-е годы. Широко известны были литейные предприятия «Братья Фельчинские» в городах Пшемьсль и Калущ.

В Советской России была реализована идея придания «гражданского смысла» колокольному часозвону курантов Спасской башни Московского Кремля, созвучная новой эстетике: вместо старых дореволюционных мелодий марша Преображенского полка (утром) и «Коль славен наш Господь в Сионе» (вечером) в 1930 годы колокола вызванивали революционные песни - «Интернационал» (утром) и «Вы жертвою пали» (вечером).

Попытка «озвучить» городское пространство была предпринята и в Минске. После окончания Великой Отечественной войны во время застройки разрушенного центра столицы также предполагалось установить часозвон (наподобие Спасской башни Московского Кремля) на крыше дома, находящегося напротив Комитета госбезопасности по адресу проспект Независимости, 16 (известного как «дом под часами»). С этой целью в архитектурный проект была внесена шестигранная башенка с тремя циферблатами и часовым механизмом. С большим колоколом его соединял трос с молотком-ударником. Известно, что 1950-1951 годах куранты звонили, но потом умолкли. Расследование истории колокола, документально подтвержденное, освещает малоизвестную трагическую страницу отечественной истории. Из художественных барельефов и польскоязычного текста, украшающих корпус колокола (отлитого на заводе братьев Фельчинских), представляющего художественную и историческую ценность, известно его имя, дата и повод изготовления: в 1929 году колокол «Ирэна» был отлит в память о погибших воинах 86-го Минского пехотного полка войска польского. Колокольные надписи подтверждают актуальность информационно-исторической функции колоколов в XX-XXI веках.

В 1990 году в СССР был официально разрешен колокольный звон. Первыми зазвучали колокола Московского собора Василия Блаженного на Красной площади, а на Пасху 27 апреля 1992 года - кремлевской колокольни Ивана Великого. В течение последующего десятилетия колокола заняли законное место - на церковных колокольнях, а в культурную жизнь современного общества был возвращен мощный пласт музыкального звучания.

Минчане после длительного перерыва впервые услышали колокола православного кафедрального собора в 1993 году. К их звону присоединили свой голос и католические инструменты: в октябре 1997 года зазвонили четыре колокола Минского кафедрального костела на площади Свободы, возвращенного верующим в 1993 году. По западной традиции они поименованы следующим образом: первый посвящен Матери Божьей Будславской, второй - Папе Иоанну Павлу II, третий - епископу Лозинскому, четвертый - Синоду.

Поскольку в Беларуси были вывезены или уничтожены почти все бронзовые колокола больших и средних размеров, подборы для звона в настоящее время формируются в основном из новых инструментов. С 1996 года в Беларуси возобновлено колоколотейное производство: на базе мощностей минского завода имени С. Кирова создана фирма «Отменное литье», успешно работающая и в настоящее время. Образцом для первых колоколов было избрано геометрическое построение В.С.Кнаббе, что соответствует профилю известных российских «Сыся» и «Лебедя» Ростова Великого. Не имея своих цветных металлов, белорусские мастера закупают колокольную медь и олово в России. Первые небольшие колокола весом 25 кг были отлиты в сентябре и в октябре 1996 года. Один из них установлен в Свято-Николаевской ивенецкой церкви.

Список литературы:

1. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa nowogrodzkiego. - Krakow : Miedzynarodowe centrum kultury w Krakowie, 2003. - 288 s.
2. Шатко, Е. Судьбы колоколов Беларуси в годы первой мировой войны / Е. Шатко // X Міжнародныя Кірыла-Мефодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 24-26 мая 2004 г.) / рэдкал. : М.А. Бяспалая (адк. рэд.) і інш. - Мінск : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2005. - С. 167-174.
3. Бондаренко, А. Колокола Покровского собора : прошлое и настоящее. Труды ГИМ / А. Бондаренко. - М., 2002. - Вып. 131. - 112 с.
4. Лихачев, М. Кто запрещал колокольный звон / М. Лихачев // Царкоўнае слова. - Мінск, 1995. -№4(37).-С. 12.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ